

Встреча для вас

Публики было рублей на триста. Как ни дешево нынче люди, но триста рублей — все-таки мало. Обыкновенный скандал соберутся смотреть сто пятьдесят человек. Примерно так писали в прошлом веке газеты о пустующих зрительных залах. Действительно, жутковато сидеть в пустом театре, как в том анекдоте с бородой: «Включите свет, мне страшно одному».

Сии пассажи сегодня уместны, пожалуй, лишь с поправкой на цены, в разговоре о кино, ибо в театр народ пошел. То, что кинотеатры пустуют, — расхожая истина, привычная реальность. А ведь когда-то в столичном кинотеатре «Россия» было так радостно и светло в предвкушении встречи с хорошим кино. Старые мы, однако, люди: все брюзжим о безвозвратном.

Загляните сегодня в «Россию», как я сделала

это в дни фестиваля российского кино. Фестиваля? Странно даже звучит. Фестиваль — всегда многолюдье, зона повышенного интереса, суета, шампанское, праздник. А тут... Как будто в дни скорби. Мрачно и гулко. Тоска на душе. Случайная публика, однако ж не столь малочисленная по нынешним временам. Не восемь человек, а все пятьдесят. Кто-то не знал, на какой фильм пришел. Главное, что оказался в тепле, не на улице, а полумрак так располагает прижаться к любимому плечу. Здесь можно даже целоваться. А можно скоротать часы до отхода ночного поезда. Были и те, кто пришел не просто так. И слава Богу, что зрителей набралось чуть больше тех, кто выходил на сцену представлять свою новую картину. Тяжелое испытание для них, отдавших душу ради этого мига.

Представляли фильм Владимира Шамшурина «Маэстро вор». Впрочем, название могло быть и другим, обстоятельства были бы сходные. Оставалось лишь выразить признательность тем немногим, кто все-таки пришел посмотреть новую картину, что и сделал Александр Збруев — исполнитель главной роли. Вот интересно, а какой он сам зритель?

Александр Збруев:

А мимо идут усталые люди

— Александр Викторович, в кино ходите? Что советуете посмотреть?

— Рекомендую зрителю почаще ходить в кино. Приучаться к кинематографу заново.

— И на чушь всякую время тратить?

— Чтобы определить, чушь это или нет, нужно поставить планку: вот это — хорошо, а это — нет. Но для этого опять же надо ходить в кино, а не только видики смотреть. Видео — не кинематограф, а репродукция с настоящей картины. Элитарный, серьезный психологический фильм можно посмотреть в небольшом зале, но только не по видео, ведь это совсем другие ощущения. Отучились от кино. В нашем доме бывает все: хорошее, плохое, грипп в семье, ремонт, но вы возвращаетесь туда. Пусть кинотеатры станут таким местом, куда тянет зрителя. Сегодня их нужно благоустроить. Они — пустые, холодные. Теплота ушла оттого, что там никто не дышит, что к нам невнимательно там относятся.

Волнуюсь в ожидании премьеры фильма В. Шамшурина «Маэстро вор», в котором снимался и я. Хорошо, если двадцать человек соберутся. Люди затратили время, нервы, сделали картину. Для кого? Не для себя же? Уже прошла в кинотеатре «Россия» «Прохиндида-2», снял которую замечательный актер, любимый публикой Александр Калыгин. Кто знает об этом? Пойдите, посмотрите, а потом можете сказать: «Зачем ты это делаешь? Снимайся лучше в кино». Я говорю слова, которые всем набили оскомину. А о чем еще говорить? О радостях? В кино их нет.

— Что же делать?

— Есть чиновники от кинема-

тографа, которые и должны его двигать. А они разводят руками, мол, денег нет, положение в стране сложное. Знают, такие вы чиновники, без которых можно обойтись. Может, вы и не нужны? Театр же находит средства на спектакль, а ведь стоит это сегодня дорого. Найдите и вы. Заставьте государство заниматься этим.

— И все-таки кино существует. Где снимаетесь вы?

— Ну вот так мы все время и рассказываем друг другу, где снимаемся. Мы не видим друг друга на экране, а только рассказываем. Если и узнаем о чем-то, то благодаря телевидению, которое очень сильно работает в этом направлении. Газету тоже не прочитают. Много ли у вас подписчиков? Я говорю сейчас, а что толку? Снимаюсь у Дмитрия Астрахана в картине «Все будет хорошо», надеюсь, что так оно и будет. Можно принимать его искусство или нет. Как актер театра я знаю, что такое аплодисменты, но в кинематографе я таких сильных не слышал никогда, как после показов фильма Астрахана «Ты у меня одна». И дело не во мне, а в режиссере. Люди встают и долго-долго аплодируют. Потом уже критики говорят, что мелодрама — низкий жанр, а до этого, на просмотре, иной раз и сами плачут. Дмитрий Астрахан — человек непредсказуемый, неспокойный, талантливый. Почему-то его картины не обсуждают, не очень-то пишут о них, а говорят об одних и тех же двух-трех фильмах. Два-три режиссера, несколько актеров — вокруг них все и вертится. За один фильм можно, как раньше было, сначала орден получить, потом — заслуженного, по прошествии нескольких лет — народного, Госпремию.

И все за один. Как набросаться на кого-нибудь, побрызгать повесью, а потом разжуют и выплюнут. Сегодня ничего же не изменилось! Люди, принимающие решение «Кто будет следующим», пришли из прежней системы. Раньше они на груди держали партбилет, теперь его как будто нет, но он все равно там отпечатался.

— Дмитрий Астрахан — человек театральный. В работе это ощущается?

— Да. Он знает актера не по киноплощадке, пользуется театральным приемом в работе с ним. И правильно делает. Поэтому у него актеры получают призы: Неелова — «Нику», Рябова — «Яблоко», я — приз российского Сочинского кинофестиваля за фильм «Ты у меня одна». Мы-то получили, а его кинематографическая элита, крепко взявшись за руки, не пускает в свой круг, потому что он не играет в их игры, а работает.

— Пусть работает, остальное в конечном счете — тлен.

— Художнику нужны признания, праздники, осязаемые победы. Чтобы зритель, для которого он и работает, видел поддержку и думал, мол, действительно правильно сделали, что наградили.

— Не так часто мы вас видим на экране, а в поле зрения остаемся. На вас направлен зрительский интерес, интерес прессы. Любят вам вопросы задавать.

— Значит, что-то недоговорено. Скажем, Олег Янковский востребован более чем на сто процентов, на все двести. Это замечательно, что у моего друга так случилось, дай Бог ему еще. Я называю его имя, и вы сразу же перечислите картины, в которых он снялся. Назову другого, вы спросите: «Кто

это?». Есть актеры невостребованные. Говоря об Олеге, говорю и о себе. Я не напрашиваюсь на интервью, наоборот, думаю всякий раз, нужно ли это, но потом понимаю, что нужно: ведь разговор пойдет не о том, где я родился и в скольких фильмах снялся, а о кино, нашем общем деле.

— «Исповедь несчастливца», «У других судьба сложилась еще хуже», «Я бы все изменил в своей жизни» — слова-то все какие. И это — о вас и с ваших слов.

— Так оно и есть. Толстой, к примеру, сложно жил, стреляться собирался, а в итоге пришел к пониманию того, что смысл жизни — в самой жизни. Я понимаю, что он имел в виду. Но разве смысл жизни в той жизни, которой мы сегодня живем? Ты должен благодарить Бога, отца и мать, что родился, что иногда встречаешь людей, тебе импонирующих, что можешь любить, страдать. Радуюсь, когда встречаюсь с хорошим режиссером, партнерами, хорошим материалом, когда обретаю друга, вижу женщину, солнце. Раньше вместе собирались люди одного круга. А сегодня — это тусовка, входят в которую и кинозвезды, и те, кто не имеет отношения к кино вообще. Какой-то винеграет получается. Нет естественного возникновения праздника. Включают громкоговорящий с утра в центре Москвы, песни поют на всю мощь. А мимо идут усталые люди. Песня звучит отдельно от них, а все должно быть у человека изнутри. Ну что я буду в себе утром включать приемник с бравурной музыкой? Она меня разрушит совсем. Жизнь складывается из взаимоотношений с людьми и любимым делом. Ничего другого делать не

умею. Хотя попробовал бы и другое, потому что сегодня мы не очень нужны.

— Театр, может быть, приносит больше радости?

— Там неплохо. Публика ходит. Есть планы. В фильме снялся, и он от тебя ушел. Спектакль играешь иногда годами. Каждый раз приходит новый зритель и все для тебя как будто заново. Жизнь заставляет, помимо театра, заниматься и другими делами, просто зарабатывать деньги, иначе не проживешь. Возникают разные театральные проекты, но все они как-то скверно заканчиваются. Собираются актеры из разных театров, а в результате спектакль играется каких-нибудь десять раз, ради премьеры что ли. В «Ленкоме» — своя аура. Уверен, что даже известные артисты не собрали бы своего зрителя, если бы делали спектакль не под его крышей, а где-нибудь во Дворце культуры. Каждая балерина мечтает танцевать в Большом театре, а не на сцене Кремлевского дворца. Это необъяснимое чувство. Могут возникнуть новые проекты, и я, возможно, что-то там и сыграю, но лучше бы это было в «Ленкоме».

...Странная все-таки профессия журналиста: всякий раз вторгаться в чужую жизнь, лезть в душу, любопытствовать. Разве что в разговоре с актером можно найти оправдание своей бесцеремонности. В конце концов такое поприще он себе избирает, которое обрекает на вечную публичность, исповедальность на сцене, экране, а то и в жизни. Збруев, как магнит, притягивает — и все. Он в некотором роде абсолютен. Его принимают, ценят за талант, никто ведь не скажет о нем: «Да ну». Хотя среди ролей, пусть хороших, интересных, все время чувствуешь нехватку чего-то более глобального, неких ролей-глыб, исполнить которые он мог бы с честью. А уже вокруг них пусть будут остальные, все эти хорошие и интересные. Такая вот навязчивая мысль...

И все-таки, маэстро, вы любите. В вас — нерв и ощущение наших странных дней...

Светлана ХОХРЯКОВА.

Фото В. Киселева.

